

*А.В. Богатырев
Тольятти*

«МУДРОСТИЮ И РАЗУМОМ»: РУССКИЙ ДИПЛОМАТ XVII В. ОБ «ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ» И ПРОТИВОСТОЯНИИ ЕЙ

Находясь в заграничной поездке, московский посланник В. Тяпкин изучает роль информационного воздействия в политической борьбе, выясняет некоторые нюансы использования на Западе «политтехнологий», высказывается за более активное применение «мягкого давления», в какой-то мере предвосхищая внешнеполитические взгляды российских политиков XXI в.

Внешняя политика, «мягкая сила», политическая пропаганда, XVII столетие, Московское царство, Речь Посполитая, архивные источники, В. Тяпкин.

Инструменты агитации, внешнеполитической пропаганды используются в международных отношениях все чаще, и нередко объектом атаки становится Россия. «Концепция внешней политики Российской Федерации» (2016 г.) гласит: «...Россия принимает необходимые меры для обеспечения национальной и международной информационной безопасности, противодействия угрозам..., исходящим из информационного пространства...» [5]. Историческая наука предостерегает от проведения «временных» параллелей, но сложно не заметить – похожие вопросы занимали умы российских дипломатов уже несколько веков назад. Следует коснуться сокровищницы нашей истории, актуализировать накопленный опыт противостояния агрессивным действиям враждебных сил.

Бытует мнение, что наиболее ранние попытки обращения российского правительства к использованию отдельных сторон «мягкой силы» становятся заметны при Петре I [1]. Архивные материалы не позволяют с этим полностью согласиться. Считается, первым о «скоординированном» наступлении недружественных к Российскому государству стран предупредил еще Василий Тяпкин, московский резидент в Речи Посполитой в 1674–1677 гг. [16, с. 84]. Взволнованные ростом влияния Московии, прежде всего Швеция, Франция, Османская империя и втянутый в орбиту их отношений польский король Ян III Собеский, как известно, оказались в открытой или неявной оппозиции к ней.

Не станем вдаваться в подробности этого конфликта. Для нас в данном случае значимо другое – одной из главных «наступательных технологий» вновь стало давно уже опробованное на Западе орудие пропаганды, действенность агитационных ресурсов в политической (внешнеполитической) игре была оценена Тяпкиным по достоинству. Его нельзя считать в дипломатии человеком новым, акции резидента не раз попадали в поле зрения историков (свежий пример: [18]), но в данном «преломлении» исследовались мало.

«Московит» наблюдал и в своих отписках в Посольский приказ, ведавший внешней политикой России, прояснял малоизвестные россиянам-современникам аспекты внешнеполитической активности, просвещая «начальных людей» Руси на самых разных направлениях [2]. «Резидентство» было для нас тогда делом неосвоенным, при этом длительное нахождение вне пределов родного государства позволило более пристально понаблюдать за явлениями заграничной жизни, в том числе и в области международных контактов. Тяпкин увидел настоящую «информационную войну», развернутую в отношении Московского царства, особо упомянув: «...Не токмо сильный силою воюет, но и мудрый мудростию и разумом...» [12, л. 544–544 об.]. Весьма созвучно положению «Концепции» 2016 г. «наряду с военной мощью, выдвигаются такие важные факторы влияния государств на международную политику, как... информационные...» [5].

Замечание Тяпкина нуждается в комментарии, ведь информационные «козни» со стороны Запада не были для России новостью. В 1650 г. Москва требовала от Речи Посполитой уничтожения порочащих честь и достоинство российского самодержца книг. А в 1655 г. фигурирует протест против изданных в Ревеле материалов, рисовавших неприглядный портрет государя Московии [8, с. 261]. Позднее репрезентант России в Амстердаме Иван Гебдон-старший жаловался на односторонность освещения «прессой» русско-польского военного противостояния, отмечая, что широко распространяется польская точка зрения. Ссылку Гебдона с Москвой признают за одно из доказательств «информационной войны», подкрепляя утверждение фрагментом переписки, из которого это прямо не следует – речь идет лишь о подмене вестей на выгодные представителям российской власти [6, с. 355–356]. Именно в трактовке Тяпкина интеллектуальный, информационный ресурс предстает конкретно в военном ключе со всеми вытекающими последствиями.

В отличие от Гебдона, который находился далеко от польских дел, резидент, служа в Речи Посполитой,

смог лично и подробно познакомиться с премудростями и тонкостями организации информационного давления. Одной из разновидностей подобных атак была дезинформация. Политические партии Польско-Литовского государства вели информационную борьбу столь ожесточенно, что московский резидент отчаялся распознать хотя бы крупицу истины: «А бог весть все ли правда, или нет» [10, л. 127]. Он видел, как с помощью откровенно лживых и непроверенных данных создавалась напряженная политическая обстановка, происходила манипуляция мнениями в интересах некоторых групп: «...Поляки... отнюдь... не хотят праведного союза и святого покою с государством Московским, но наипаче злохитрую[т] и... поощряют на злые поступки против государства Московского...» [10, л. 85].

В рядах «агентов влияния» значился польский резидент Павел Михал Свицерский. О его деятельности уже писалось [14, с. 485], он неустанно отправлял жалобы на «обиды», которые якобы терпел при дворе московского властелина. «...Безпрестанно пишет противности святому союзу...» [10, л. 144], – заклеил его московский дипломат. Тяпкин не раз ловил поляка на лжи, получив официальные документы из Москвы со свидетельствами достойного уровня проживания польского представителя в столице [9, л. 23–23 об.].

Приемы пропаганды и частично дезинформации, похожие на уже перечисленные, использовались у нас в делах внешнеполитических при царе Федоре Алексеевиче (80-е гг. XVII в.) [4, с. 29]. Конечно, известно о них было гораздо раньше. Вот Тяпкин приводит пример подобной «информационной бомбы», к которому вскользь притонулся один из современных авторов [17, с. 70], зафиксировав параллельное бытование противоречивых ведомостей: «...Писал резидент цесарского величества... Римского (Священной Римской империи. – А. Б.) из Датцкие земли, ис Копнагава (Копенгагена. – А. Б.), к резиденту своему товарищу, объявляючи великую битву датцких Немцов с свейскими, которая была в нынешнем во 1676-м году декабря... зело крепка, где на обе стороны много... ратных людей побито.

А хотя описует, что свейских болшая половина... побита, и трех у них генералов и многих начальных людей в полон датчана побрали. Однако ж и то пишет, что полевую победу одержали шведы, и знамена и пушки, и весь наряд и возы со многуо казною, и запасы отгромили и город свой, которой был в крепкой осаде от датцких Немцов очистили и запасами ево всякими наполнили...» [13, л. 15–16]. Каждая сторона, естественно, пыталась выставить описанное событие – с военной точки зрения важный эпизод датско-шведского конфликта (фрагмент более крупной Голландской войны) сражение при Лунде 4 декабря 1676 г. – в выгодном для себя свете.

Чтобы воспрепятствовать пересылке точных вестей, намеренно создавался информационный вакуум. Действовали грубовато, стремились не допустить своевременного получения депеш Тяпкина через почтовое сообщение, для чего перехватывались письма, иной раз о времени отправления почты просто умалчивалось. Об этом писалось в литературе (до револю-

ции упоминал, например, С.М. Соловьев [15, с. 490]), но есть еще несколько ярких зарисовок на эту тему. «...Нам не сказали, потому и писем чрез ту почту не было от меня...» [3, с. 71], – оправдывался «москвит». Резиденту пришлось просить об информировании относительно почтовых отправок отдельно: «...И я о том говорил референдарю (должностное лицо. – А. Б.) литовскому, чтоб впредь таких нарочных почт от нас не таили, и впредь про них нам сказывали...» [3, с. 71].

Многое в описанном случае выглядит наивно, но с подобным россиянин столкнулся впервые – почтовое сообщение наладили сравнительно недавно, проходила его апробация в плоскости дипломатической. Тревоги Тяпкина были небеспочвенны: часть документов московского посланника государственной важности таким образом была элементарно потеряна [10, л. 37 об.].

Особый случай составляют агитационные материалы, содержащие порочащую ту или иную сторону информацию. Тяпкин, как видим, включился в постепенно набиравший обороты процесс борьбы Москвы с антироссийской агитацией в европейской печати. Но только наш резидент, благодаря своему положению, смог увидеть эту пропагандистскую «кухню» изнутри. Как образец такого «политтворчества» с польской стороны чаще всего вспоминают «Музу» – литературный сборник, в котором наблюдаем оскорбительные для Московии и ее государя выпады [7, с. 92–95]. Заметив это, Тяпкин поспешил переслать книгу в Россию. Но были и другие казусы, резидент не раз подчеркивал, что в Речи Посполитой и за ее пределами распространяются «возводящие хулу» на Московское царство слухи: «Да... от пристава слышу, что многие злословят на государство Московское...» [10, л. 86 об.].

Из докладов Тяпкина явствует, агитация велась через печатные издания, различные письма. Резидент напомнил московскому правительству некоторые каналы распространения провокационных сведений. Один из них – «друкарни», печатни. Посредством печатных изданий привычно решались политические задачи и поляками, и иноземцами: «...Цесарской резидент печатное письмо о князе лоторинском падкинул, в котором паче всех иных государей угоднейшаго к королевствованию над поляки лоторинчика вызывает...» [9, л. 145 об.].

«Москвит», как уже было сказано, сам переправлял начальству показательные экземпляры пропагандистских «уловок» жителей Речи Посполитой, например, «Глас отчизны», содержащий оскорбления и различные обвинения в адрес Яна III. Тяпкин недоумевал – «...нетрудно полским народом и о своем государе яко из волных уст испущати как добрые, так и злые гласа и повести...» [10, л. 178 об.]. После выхода из печати «злокозненные» сочинения распространялись – «клеветуют и розсеивают в народе» [11, л. 87 об.].

Тяпкин, как и некоторые его соотечественники, полностью осознавал всю силу подобных «черных» приемов и их опасность для России, ее внешнеполитического образа. Он непосредственно наблюдал запускаемый ими разрушительный механизм, предостерегая царский двор: вражеские наветы имели непри-

ятное воздействие, настраивали польско-литовские круги, которые еще могли содействовать переговорам между странами, против России. «...А про то уже все сенаторы и сам королевское величество (Ян III. – А. Б.) ведают...» [10, л. 144], – докладывал Тяпкин об инсинуациях Свидерского.

Резидент не только держал Москву в курсе приемов политической игры, но и давал советы, какими мерами противостоять таким действиям. По нынешним меркам (да и в свете накопленных Посольским приказом данных) они кажутся довольно бесхитростными. Тем не менее, царский представитель, судя по всему, верил в значимость отправляемых в Москву «наставлений». Причем меж них были структурированные, логично выстроенные и ясно изложенные своего рода «пункты». Прежде всего, всяческие «многохульные» поползновения следует решительно пресекать – «...объявить..., что с стороны их польской оглашают и укоряют великою грубостию, и пишут на весь свет... неправду...» [10, л. 80]. Иными словами, «...Россия добивается объективного восприятия ее в мире...» [5].

Также дипломат напирал на необходимость личного участия в крупных государственных событиях, не доверяя информации «вторичного» характера: «...А когда бы я был при боку королевского величества..., тогда бы я о всяких делах мог писать прямую правду..., поступки бы их всякие имел пред очима своими, и ведал о всем подлинно, а наипаче достоверно мог видеть и правду разуметь...» [10, л. 127–127 об.]. Тут пришлось выдержать сопротивление со стороны недружелюбно настроенных политических группировок Речи Посполитой. «...Велено крепко за мною подсматривать, и варту отят (сопровождение. – А. Б.) приставили..., будто для обыкылые учтивости, а в тайне приказано им накрепко, чтоб сказывали, хто у меня бывает, или куды езжу, и с кем знаемоу и дружбу имею...» [10, л. 86], – наталкиваемся у резидента.

В контрпропагандистских «рецептах» Тяпкин совершенно очевидно апеллировал к уже имеющемуся мировому опыту, предлагая бить врага его же оружием и огласить официальное опровержение всем неправедным наветам, растиражировав его среди шляхты (для пушшего эффекта на весьма многолюдном мероприятии – коронации Яна III в 1676 г.): «...Еще, государь, надобно... [с] таким вышепомянутым обличением на них и на коронацию послов прислать, и те речи на коронации во всемножественное собрание народов полских, а наипаче послом поветовым и иноземцом то обличение на них на письме... розгласить...» [10, л. 87]. Итак, в «арсенале» «информационной войны» России и Речи Посполитой имелись средства и помимо публикаций в периодических изданиях [6, с. 364].

Отстаивая тезис о решительном отпоре, Тяпкин не открывал Америку – сталкиваясь с антироссийскими выпадами западных государств на протяжении всего XVII столетия, московское руководство не раз выражало на дипломатическом уровне протест [8, с. 261]. Однако в данном случае говорится о гораздо более широком «розглашении», без ограничения только печатной продукцией. Московское правительство должно настойчивее продвигать собственные интересы, нужно держать удар и после завершения

активных боевых действий. Важно, что в донесениях Тяпкина абсолютно четко, без необходимости домысливать, мы видим отношение к информационному фактору как к одному из инструментов ведения войны. Так совершались первые шаги к выработке стратегии «информационной обороны» Российского государства, а в более долгосрочной перспективе – и «Концепции внешней политики» 2016 г.

Литература

1. Астахов, Е. М. Субъективные заметки о некоторых аспектах «Мягкой силы» / Е. М. Астахов. – Текст : электронный // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 34 (1). – С. 45–53. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnyye-zametki-o-nekotoryh-aspektah-myagkoy-sily> (дата обращения : 20.11.19).
2. Богатырев, А. В. К предыстории нововведений в русском погребальном церемониале (В. М. Тяпкин на похоронах Яна II Казимира и Михаила Вишневецкого) / А. В. Богатырев // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2019. – № 1–2, Т. 14. – С. 7–22.
3. Богатырев, А. В. Об использовании почты русским резидентом в Речи Посполитой В. М. Тяпкиным / А. В. Богатырев // Будущее нашего прошлого-5: история как коммуникативный проект : материалы международной научной конференции. 14 ноября 2019 г. – Москва : РГГУ, 2019. – С. 68–76.
4. Богданов, А. П. Внешняя политика России и европейская печать (1672–1689 гг.) / А. П. Богданов // Вопросы истории. – 2003. – № 4. – С. 26–46.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). – URL : http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения : 20.11.19). – Текст : электронный.
6. Кроль, П. Польский триумф в Варшаве в 1661 г. по случаю побед польско-литовских войск предыдущего «счастливого года»: московский перевод специального выпуска первой польской газеты «MerkuriuszPolski» из архива Тайного приказа / П. Кроль, А. В. Малов, С. М. Шамин // Slověne. – 2019. – Vol. 8, № 2. – С. 350–376.
7. Николаев, С. И. От Кохановского до Мицкевича. Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII – первой трети XIX вв. / С. И. Николаев. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 2004. – 264 с.
8. Потемкин, В. П. История дипломатии / В. П. Потемкин. – Москва : Директ-Медиа, 2015. – Т. 1. – 543 с.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79 (Сношения с Польшей). Оп. 1. Д. 160.
10. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163.
11. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 164.
12. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 166.
13. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 182.
14. Соболева, Т. А. История шифровального дела в России / Т. А. Соболева. – Москва : Олма-Пресс, 2002. – 511 с.
15. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – Москва : Мысль, 1991. – Кн. 6, Т. 11–12. – 671 с.
16. Уткин, А. И. Вызов Запада и ответ России / А. И. Уткин. – Москва : Алгоритм, 2002. – 539 с.
17. Флоря, Б. Н. Наследник А. Л. Ордина-Нащокина (русский резидент в Варшаве В. М. Тяпкин и балтийский вопрос) / Б. Н. Флоря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2016. – № 1 (63). – С. 64–70.
18. Флоря, Б. Н. Русский резидент в Варшаве В. М. Тяпкин о месте России среди европейских государств / Б. Н. Флоря // Средние века. – Москва : Наука, 2017. – Вып. 78 (4). – С. 138–152.

A.V. Bogatyrev

**«WISDOM AND MIND»: RUSSIAN DIPLOMAT FROM THE 17th CENTURY
ABOUT THE «INFORMATION WAR» AND OPPOSITION TO IT**

During his foreign travel Vasily Tyapkin, a Moscow envoy, studies the role of information influence in political struggle, clarifies the peculiarities of using «political technologies» in the West, advocates a more active use of propaganda techniques. Thereby, he anticipates Russia's foreign policy in the 21st century.

Foreign policy, “soft power”, political propaganda, 17th century, Russia, Rzeczpospolita (The Polish-Lithuanian Commonwealth), archival sources, V. Tyapkin.